

ПРИШЕЛ СОЛДАТ С ФРОНТА... В 16 ЛЕТ

Что имеем – не храним, потеряем – плачем. В житейских заботах, в рабочей суете нам обычно все как-то некогда толком рассмотреть тех, кто совсем еще недавно был рядом, а затем, как помпезно выражается начальство, «вышел на заслуженный отдых». Рассмотреть. Оценить масштаб личности. И нередко удивиться: да возможно ли такую удивительную биографию уместить в одной-единственной человеческой судьбе? Возможно. И история жизни ветерана таможенной службы Льва Константиновича ТРОИЦКОГО – лучшее тому доказательство.

Добровольцы – вперед!

– Моя жизнь делится на две почти равных части, – неторопливо начинает свой рассказ Лев Константинович. – Служба в армии и работа в таможне. И там, и там я старался быть честным. За чужие спины с детства не прятался.

Вот с детства-то и начнем. Как говорится, тут есть что вспомнить. Подмосковные Химки его малая родина. Здесь родился в 1929 году. И здесь же, кстати, живет до сих пор.

Главное его детское впечатление и развлечение – строящийся канал Москва–Волга. Он был в двух шагах от дома. Отец-летчик, мама, брат с сестрой – поначалу все как обычно. Когда пошел в первый класс в школу №2, вряд ли мог предположить тогда, что через семьдесят лет он, седовласый ветеран войны и труда, вновь и вновь будет приходить в те же стены и рассказывать малышне про оборону Москвы, про войну. Кстати, его родная школа теперь называется лицеем, а из всех пацанов его класса в живых остался лишь он один.

Война началась так же неожиданно, как и закончилось его детство. Гул немецких бомбардировщиков, рвущихся бомбить Москву, уходящие на фронт отцы, страдающие от предстоящей разлуки матери... И с каждым днем фашисты все ближе и ближе к столице.

В пятый класс он и успел-то походить всего несколько дней. На этом учеба кончилась. Здесь, в Химках был авиазавод имени Лавочкина. Двенадцатилетний Лева пошел туда токарем. Через месяц он уже мог самостоятельно вытачивать детали к самолетам. Новоявленному токарю полагалась рабочая карточка – выдавали по 600 граммов хлеба, крупы. Семью кому-то надо кормить.

А вести с фронта летели, ползли одна хуже другой. Во второй половине октября сорок первого немцы прошли Бородино. Пал Можайск... Редели ряды защит-

ников Москвы. Нужны были свежие силы. В конце октября на завод, где он работал токарем, прибыла комиссия из военкомата: объявлен набор рабочих в истребительный батальон. Отбирали, естествен-

но, взрослых. Построили: через два дня явиться на завод, иметь одежду и обувь покрепче.

Через два дня новобранцы уже стояли в строю на площади. Им выдали по вин-

товке и по 20 патронов. Как в эту шеренгу попали недоучившийся пятиклассник Лева и его приятель? Лев Константинович теперь вспоминает: «Пристроились мы без спроса. Но из строя нас все же не выгнали. Наоборот, потом мне даже выдали красноармейскую книжку, где было написано: доброволец».

Несколько недель бойцы истребительного батальона прожили в казарме. Лева Троицкий как и все ходил в наряды, ловил вражеских парашютистов, дежурил на точках. Сколько ему лет, уже никто и не спрашивал. Тем временем к началу декабря немцы прорвались к Сходне, к Крюково – вот она Москва, рядом. Истребительному батальону пришел черед идти в бой. Ополченцы попали в самое пекло: в первых же боях от шестисот бойцов в живых осталось всего пятьдесят. Ему повезло, ведь среди той полусотни был и он...

Без единой царапины

Когда уцелевший личный состав отправили на переформирование, еще раз выяснилось, что уцелевшему бойцу Льву Троицкому всего двенадцать лет. Предложили: «Отправляйся-ка ты, парень, домой, рановато еще тебе воевать». Но тот заупрямился. Правдами и неправдами уговорил-таки начальство. И вместо дома его отправили... в знаменитые теперь Гороховецкие лагеря. Проходить боевую переподготовку.

В Гороховецких пацана Левку Троицкого учили стрелять, разбирать оружие, обороняться, маскироваться, ходить строем. Словом, всем существующим на тот момент солдатским премудростям. А где-то неподалеку грохотала война, гибли люди, дрались за каждый клочок земли.

Курсанты из учебки рвались в бой. И учебу не затянулось надолго. Однажды ночью всех подняли по тревоге и отправили туда, где в тот момент многое решалось. Словом, в Сталинград. Про то, какая там была молотиловка, сегодня можно узнать разве что по книгам и художественным фильмам. Немцы потом все это назовут «сталинградским кошмаром». Живых свидетелей тех сражений остается все меньше и меньше. Да и тогда уцелевших в сражении оставалось негусто. Земля там до сих пор усеяна миллионами осколков снарядов и пуль. Но повезло пацану. Вместе со всеми он ходил в атаки, под огнем переправлялся через Волгу. И, как заговоренный, ни одного ранения!

Кому выпало на долю драться с фашистами в Подмоскovie и потом еще угодить в Сталинград – это уже перебор. Любой солдат подтвердит: кто там выжил, не сомневайтесь, большой везунчик. Юный старший сержант Троицкий остался в живых. Выглядел он значительно старше своих лет и потому никто с ним уже про малолетство не разговаривал. На груди у парня уже звенело несколько медалей.

Видно, судьба хранила этого юнца. После Сталинграда никто ему уже и не предлагал отправляться домой. Приказ был иной: в учебный танковый батальон! Была такая танковая школа. В наши времена в танковом училище курсантов готовят несколько лет. Но шла война. И такой роскоши по времени на подготовку, конечно же, не было. Но восемь месяцев, отведенных на учебу, и те казались целой вечностью. Кто-то уже поговаривал: мол, пока мы отучимся, и война кончится, никуда не успеем.

Напрасно волновались курсанты. До долгожданной победы было еще ох как далеко. Безусый новоиспеченный командир самоходного орудия Лева Троицкий поспел как раз вовремя. Подразделение, в котором он учился на танкиста, наконец-то направили на фронт. Куда? Как это ни удивительно, но судьба его и на этот раз завела туда, где в тот момент было жарче всего. А жарче всего в тот момент было на Курской дуге.

Миллионы людей, тысячи танков сошлись в смертельном бою. Был здесь и экипаж самоходного орудия, которым командовал совсем еще молодой Лев Троицкий. За подбитых им шесть танков он тогда и получил первый орден. Это был как раз недавно появившийся орден Отечественной войны. Много вы знаете еще юнцов, заслуживших в его годы такие награды?.. После Курской битвы наша армия погнала оккупантов на запад. Вместе со всеми наступал и безусый орденосец. Киев брал уже будучи танкистом. Когда наши войска переходили советскую границу, он до сих пор помнит, с каким чувством наши солдаты смотрели на этот рубеж.

Биография на ладони

Он дошел до Берлина. Казалось бы, все. На этом его боевая биография должна бы наконец достойно завершиться. Но нет. После Берлина был еще танковый бросок на Прагу. И он прекрасно помнит, как там встречали Советскую Армию – цветы, улыбки, благодарности. Где-то еще сопротивлялись отдельные группировки немецкой армии, но все уже знали: война закончена. И все же, как оказалось, не для него. В один из последних дней войны в бою погиб весь экипаж его танка. А сам он получил тяжелое ранение в живот и сильнейшую контузию. Это он-то, такой молодой и здоровый, у кого за всю войну до того не было ни одной царапины.

В госпитале провалялся больше полугода. Вот уже несколько месяцев кругом мирная жизнь. Куда идти, когда поправится? Сначала хотел в военное училище. Но в то время он еще сильно заикался – последствия контузии. И юношу оставили там же, в Германии, при госпитале. Когда выяснилось, что героический борец с фашистскими захватчиками

на войну отправился прямиком из... пятого класса средней школы, его вновь пригласили за парту.

В общем, семь классов он закончил в русской школе, но только в Германии. Потом поступил в танковое училище на Украине. Затем еще пять лет служил в Германии. Вернулся в Союз. Закончил военную академию имени маршала Малиновского и опять в войска.

Из армии он уволился в звании подполковника. (Потом, кстати, по специальному указу Верховного главнокомандующего ему присвоили полковничье звание.) Сидеть дома нестарый еще военный пенсионер не хотел. Кто-то посоветовал: «Может, в таможду пойдете?» Он подумал и согласился: «Пойду, попробую, немного там поработаю». Это «немного» вылилось почти что в двадцать лет.

Лев Константинович начинал со старшего инспектора отдела режима Центральной таможди. Потом был старшим инспектором Московской региональной таможди, затем его перевели в группу специнформации ведущим инспектором. Потом он заболел. Был перерыв в работе. Но вновь вернулся в таможду. Западное таможенное управление, Московская Южная таможня. Комендант. Мобилизационный отдел, библиотека... В таможде шли реорганизации, менялись структуры, названия, должности. Так уж вышло, что с таможенной службы он ушел по сокращению штатов – возраст...

Ветерану с таким жизненным опытом всегда есть чем поделиться с молодежью. В свою первую школу, где война не дала ему закончить пять классов, он приходит до сих пор. На 9 Мая рассказывает нынешним пятиклассникам, как ушел на фронт. Не раз выступал и перед коллегами-таможенниками – им тоже интересно послушать человека, у которого на груди 43 правительственных награды и три медали от таможди. Кстати, до последнего времени Лев Константинович возглавлял совет ветеранов Московской Южной таможди, дела сдал только недавно. Но с тамождой у него до сих пор особые отношения: пять человек из его семьи работали, а кто-то и до сих пор трудится в ФТС.

В Химках, от местного совета ветеранов, он с их пор трудится внештатным воспитателем кадетского корпуса. Проводит занятия, ходит с кадетами в почетный караул на праздник Победы. И всякий раз надевает мундир, увешанный орденами и медалями. Я попробовал на вес его китель. Мне он показался очень увесистым, и в прямом, и в переносном смысле: «Не тяжело ватно носить такую красоту?» – «Ничего, потерплю, – улыбается Лев Константинович, – ведь здесь на груди вся моя биография, как на ладони».

Александр ДАНИЛКИН
Фото Игоря АРЧИБАСОВА